

1001 ночь.

Сказка о Джаллиаде и Шимасе

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 899-904](#)

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 905-910](#)

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 911-915](#)

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 916-920](#)

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 921-925](#)

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 926-930](#)

Девятьсот одиннадцатая ночь

Когда же настала девятьсот одиннадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда везирь Шимас спросил царевича: "Какое из сокровищ земли наилучшее?" – тот ответил: "Совершение благого". И Шимас молвил: "Ты сказал правду, и я принял эти твои слова. Расскажи мне о трех различных способностях: знании, суждении и разумении, и о том, что соединяет их в себе". – "Знание, – ответил мальчик, – от изучения, суждение – от опыта, а разумение – от размышления, и место пребывания их и соединение – в разуме. Тот, в ком соединились эти три качества, – совершенен, а тот, кто прибавил к ним боязнь Аллаха, – достиг цели".

"Ты прав, и я принял от тебя это, – сказал Шимас. – Расскажи мне о знающем, мудром обладателе верного суждения живой сообразительности и превосходного, блестящего разумения – изменит ли его вожделение и страсть в тех его свойствах, о которых упомянул я?"

"Два эти качества, – ответил мальчик, – когда входят в человека, изменяют его знание, рассудок, и суждение, и разумение, и подобен он хищному орлу, который остерегался охоты и пребывал в глубине неба от крайней пронизательности. И было это так, и он вдруг увидел человека, который расставлял сети. И когда этот человек окончил расставлять сети, он положил в них кусок мяса. И орел увидел этот кусок мяса, и одолело его вожделение и страсть, и он забыл о виденных им сетях и злой доле тех, кто попадал в них из птиц, и низринул из глубины неба, и упал на тот кусок мяса, и запутался в сетях. И когда пришел охотник и увидел орла в своих сетях, он удивился великим удивлением и воскликнул: "Я расставил свои сети, чтобы попадали в них голуби или подобные им из слабых птиц, но как же попался в сети этот орел?"

И говорится, что разумный человек, когда побуждают его на что-нибудь страсть и вожделение, обдумывает последствия этого разумом и защищается от того, что они разукрасили, и разумом покоряет вожделение и страсть. И когда побуждает к чему-нибудь человека страсть и вожделение, должен он сделать разум подобным всаднику, искусному в верховой езде, – когда он садится на беспокойного коня, он тянет его крепкой уздой, пока конь не выправится и не пойдет, как всадник хочет. А если он глуп, и нет у него ума, и не имеет он своего суждения, и дела для него неясны, и властвует над ним вожделение и страсти, – он поступает согласно страсти и вожделению и оказывается в числе погибших, и нет среди людей никого хуже его по состоянию".

"Ты прав в том, что сказал, – молвил Шимас, – и я принял от тебя это. Расскажи мне, когда бывает знание полезно и когда разум уничтожает вред страсти и вожделения". – "Когда их обладатель пользуется ими в стремлении к последней жизни, – ответил мальчик, – ибо разум и знание оба полезны, но следует их обладателю пользоваться ими в стремлении к мирским благам лишь в той мере, чтобы добывать этим пищу. И пусть отталкивает он от себя зло здешнего мира и пользуется знанием и разумом для дел последней жизни".

"Расскажи мне, чего наидостойнее придерживаться человеку и чем занимать свое сердце", – сказал Шимас. И мальчик ответил: "Праведными деяниями". – "Если человек так делает, что отвлекает его от промысла? Как же поступать для пропитания, ему необходимого?" – спросил Шимас. "В сутках, – ответил мальчик, – для него двадцать четыре часа, и надлежит ему назначить одну часть их для снискания пропитания и одну часть – для покоя и отдыха, а остальное употреблять на приобретение знания, ибо человек, если он разумен, но нет у него знания, подобен неплодородной земле, на которой нет места для обработки и насаждения растений. Если не подготовить ее к обработке и не засадить, не будут на ней плоды полезны, а если подготовить и засадить ее, принесет она плоды прекрасные. Так же и человек без знаний – не будет от него пользы, пока не посажено в нем знание, ибо когда посажено в нем знание, приносит оно плоды".

"Расскажи мне о знании без разума, – каково оно?" – спросил Шимас. И мальчик ответил: "Оно подобно знанию скотины, которая узнала, когда ей время есть и пить и когда ей время бодрствовать, но нет у ней разума". "Ты был краток, отвечая на это, но я принял твои слова, – ответил Шимас. – Расскажи, как мне должно оберегать себя от султана". – "Не давай ему к себе пути", – ответил мальчик. И Шимас спросил: "Как же могу я не дать ему к себе пути, когда он имеет надо мной власть и поводы мои дел в его руках?" – "Его власть над тобой, – ответил мальчик, – зиждется лишь на том, что ему должно от тебя, и если ты воздал ему должное, нег у него над тобой власти". – "Каковы обязанности визиря перед царем?" – спросил Шимас. И мальчик ответил: "Искренний совет и усердие в тайном и в оглашаемом, Здоровое суждение и сокрытие его тайн, и пусть не утаивает везирь ничего, о чем подобает царю быть осведомленным, и не должен он быть небрежным в том, что возложил на него царь для исполнения его нужд. Пусть ищет он его благоволения всеми способами и избегает гнева его".

"Расскажи мне, как поступает с царем везирь", – спросил Шимас.

И мальчик ответил: "Если ты везирь царя и хочешь быть от него в безопасности, то пусть будет твое внимание и твоя речь к нему выше того, на что он надеется, и просьба твоя о нуждах пусть будет соразмерна с твоим местом у царя. Берегись поставить себя на место, которого царь не считает тебя достойным, чтобы не казалось это от тебя как бы дерзостью. Если же обманет тебя его кротость и ты поставишь себя на место, которого царь не считает тебя достойным, ты окажешься подобен охотнику, который ловил зверей и сдирал с них шкуру, так как она была ему нужна, а мясо бросал. И лев стал приходить к тому месту и поедать падаль, и когда умножились посещения им этого места, он привык к охотнику и привязался к нему. И охотник стал бросать ему мясо и вытирать руки о его спину, а лев помахивал хвостом в знак удовлетворения. И когда охотник увидел, что лев ему доверяет, и привык к нему, и ему послушен, он сказал про себя: "Этот лев смирился передо мной, и я над ним властвую. Я считаю, что мне следует сесть на него верхом и содрать с него шкуру, как с других зверей".

И охотник осмелел, и вскочил льву на спину, и запотел овладеть им. И когда лев увидел, что сделал охотник, он разгневался великим гневом и, подняв лапу, ударил охотника, и его кости вонзились ему в кишки. И потом лев бросил охотника под передние лапы и разорвал его в клочки.

Из этого я узнал, что подобает везирию держать себя с царем сообразно тому, каким он видит его поведение, и не быть с ним слишком смелым вследствие превосходства своего суждения, чтобы царь к нему не переменялся..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот двенадцатая ночь

Когда же настала девятьсот двенадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что мальчик, сын царя Джиллиада, сказал везирию Шимасу: "Подобает везирию держать себя с царем сообразно тому, каким он видит его поведение, и не быть с ним слишком смелым из-за превосходства своего суждения, чтобы царь к нему не переменялся". И потом Шимас молвил: "Расскажи мне, чем украшается везирь

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

во мнении царя". – "Исполнением поручения, которое ему вверено, посредством искреннего совета, здравого суждения и осуществления повелений царя", – ответил мальчик. И Шимас молвил: "Что касается того, что ты упомянул об обязанности везиря избегать гнева царя и делать то, что вызывает его благоволение, и заботливо выполнять ему порученное, то это дело обязательное. Но расскажи мне, как ухитриться, если царь доволен лишь тогда, когда он притесняет и совершает несправедливости и насилия? Как ухитриться везирю, если он испытан общением с этим жестоким царем? Если он захочет отвратить его от его страстей, вожделений и замыслов, то не сможет этого, а если он последует его страстям и объявит его замыслы хорошими, он понесет тяжесть этого и станет врагом для подданных. Что ты об этом скажешь?"

И мальчик в ответ ему сказал: "То, что ты упомянул, о везирь, о тяжести и грехе, бывает только тогда, когда везирь следует за царем в совершаемых им ошибках. Но подлежит везирю, когда царь спросит его совета об этом, изъяснить ему путь справедливости и правосудия, и предостеречь его от притеснения и насилия, и осведомить его о том, каково хорошее поведение с подданными, и соблазнить его заключающейся в этом наградой, предостерегая его от наказания, за грехи обязательного. И если царь склонится и обратится к его словам, – желаемое достигнуто, а если нет, то не останься ничего другого везирю, кроме как расстаться с царем мягким способом, ибо в разлуке – для каждого из них избавление".

"Расскажи мне, – попросил везирь, – каковы обязанности царя перед подданными и каковы обязанности подданных перед царем". И мальчик ответил: "То, что он приказывает, – пусть совершают с чистым намерением и пусть повинуются ему в том, что угодно ему и угодно Аллаху и его посланнику. А обязанности царя перед подданными состоят в охране их имущества и защите их гарема, так же как подданные обязаны оказывать царю внимание и повиновение и не жалеть для него своей души, и воздавать ему обязательно должное, и возглашать ему прекрасную хвалу за справедливость и благодеяния, им оказанные".

"Ты изъяснил мне то, что я тебя спросил об обязанностях царя и подданных, – сказал Шимас. – Расскажи мне, остались ли у царя какие–нибудь обязанности по отношению к подданным, кроме тех, о которых ты сказал". "Да, – ответил мальчик, – права подданных над царем более обязательны, чем права царя над подданными, потому что пренебрежение их правами более вредоносно, чем пренебрежение его правами, ибо бывает гибель царя и прекращение его власти и благоденствия только из–за пренебрежения правами подданных. Кто облачен властью, тому следует не оставлять трех вещей: поддержания порядка в делах веры, поддержания порядка в делах подданных и поддержания порядка в делах управления. И если не оставляет он этих трех вещей, его власть длится".

"Расскажи мне, – молвил Шимас, – как подобает дарю поступать, чтобы поддерживать в порядке дела подданных". И мальчик ответил: "Воздавая им должное, поддерживая их обычаи и пользуясь учеными и мудрецами для того, чтобы их учить, а также оказывая правосудие одному перед другим, оберегая кровь от пролития, не прикасаясь к их имуществу, облегчая их тяготы и укрепляя войско".

"Расскажи мне, – молвил Шимас, – каковы обязанности царя перед везирем". – "Нет у царя обязанностей ни перед кем из людей более непреложных, чем обязанность, лежащая на нем по отношению к везирю, и это вследствие трех особенностей. Во–первых, из–за того, что поражает паря, когда бывает мнение везиря ошибочно, и из–за всеобщей пользы, для царя и для подданных, когда суждение везиря здраво; во–вторых, потому, что люди знают, сколь прекрасно положение везиря у царя, и подданные смотрят на него глазами почтения, уважения и послушания; в–третьих, везирь, видя это от царя и от подданных, отклоняет от них то, что им ненавистно, и исполняет то, что им любо".

"Я выслушал все то, что ты мне сказал о свойствах царя, везиря и подданных, и принял это, – сказал Шимас. – Расскажи мне, что надлежит делать, чтобы охранять язык от лжи, глупости, поношения чести и неумеренности в речах". – "Надлежит человеку, – отвечал мальчик, – не говорить ни о чем, кроме блага и милостей, и не произносить слова о том, что его не касается. Пусть оставит он злословие и пусть не переносит речей, которые от кого–нибудь слышал, к его врагу; пусть не ищет он для друга своего или врага несчастья у султана и пусть не задумывается ни о ком, от кого ожидает блага или опасается зла, кроме Аллаха великого, ибо он, поистине, есть вредоносец, пользу приносящий. Пусть не вспоминает он ни о чьих пороках и не говорит, не зная, чтобы не привязались к нему прегрешения и грех пред Аллахом и ненависть людей. Знай, что слово подобно стреле: когда оно пронзит, никто не может воротить его. Пусть остерегается везирь поручать свою тайну тому, кто ее разгласит – нередко постигает его вред от разглашения тайны, когда он уверен, что она сокрыта. И пусть охраняет он тайну от друга больше, чем от врага – поистине, сокрытие тайны для всех людей – исполнение доверенного".

"Расскажи мне, – молвил Шимас, – о добронравии в обхождении с родными и близкими". И мальчик ответил: "Нет покоя сынам Адама иначе как при добром нраве, но следует человеку оказывать родным то, чего они заслуживают, и друзьям то, что им следует".

"Расскажи мне, – сказал Шимас, – как следует обращаться с родными". И мальчик ответил: "Что касается обращения с родителями, то тут нужна покорность, нежность в речах, мягкость в обхождении, уважение и почтение. Что же касается обращения с друзьями, то тут нужен добрый совет, щедрость на деньги, помощь в средствах к жизни и радость их радости, и снисхождение к допускаемым ими ошибкам. И когда друзья увидят это от человека, они будут встречать его самым дорогим, какой есть у них, из советов и не пожалеют для него своей души. Если ты уверен в своем друге, будь с ним щедр на дружбу и оказывай ему помощь во всех его делах..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот тринадцатая ночь

Когда же настала девятьсот тринадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда везирь Шимас задал мальчику, сыну царя Джиллиада, предшествующие вопросы и тот дал ему ответ на них, везирь Шимас сказал: "Я считаю, что друзья бывают двух родов: друзья доверенные и Друзья по общению. Что касается друзей доверенных, то им следует то, о чем ты говорил, а я спрашиваю тебя о другом – о друзьях по общению". "Что касается друзей по общению, – сказал мальчик, – то ты имеешь от них усладу, доброе обхождение, нежность в словах и прекрасное общение. Не прекращай же этого наслаждения, но отдавай им то, что они отдают тебе, и поступай с ними так, как они поступают с тобой, – будь весел лицом и нежен в словах, и будет твоя жизнь приятна, и слова твои ими приняты".

"Мы узнали все эти дела, – молвил Шимас. – Расскажи же мне о наделе, назначенном тварям их творцом. Распределен ли он среди людей и животных – каждому спой надел до конца его срока? А если дело обстоит так, то что заставляет ищущего пропитание брать на себя труд в стремлении к тому, что, как он знает, ему неизбежно достанется, если это ему определено, хотя бы он и не брал на себя труда стараться? Если же это ему не определено, то оно ему не достанется, хотя бы и старался он для этого до пределов старания. Оставить ли ему старание и положиться ли на своего господя, дав отдых своему телу и душе?" – "Мы считаем, – сказал мальчик, что всякому есть определенный надел и назначенный срок. Но ко всякому наделу есть путь и способы. И тот, кто ищет, получает в искании своем отдых, прекратив искание, но вместе с тем искать свой надел необходимо. Ищущие наделы бывают двух родов – они или получают, или лишены его. Отдых получившего бывает из–за двух обстоятельств: от того, что он получил свой надел, и от того, что исход его стремлений достохвален, а отдых лишенного надела бывает вследствие трех обстоятельств: от готовности искать свой надел, от нежелания быть в тягость людям и от освобождения от ответственности при упреках".

"Расскажи мне, – сказал Шимас, – каковы способы искать пропитание". И мальчик ответил: "Позволительно человеку то, что дозволил ему Аллах, и запретно то, что запретил ему Аллах (велик он и славен!)".

И прекратилась между ними речь, когда дошли они до этого предела. И затем поднялся Шимас и те из мудрецов, кто присутствовал, и они пали ниц перед мальчиком, и возвеличили его, и восхвалили, и отец прижал его к груди. А затем, после этого, он посадил его на престол царский и воскликнул: "Хвала Аллаху, который наделил меня сыном и прохладил им мои глаза при жизни!"

И потом мальчик сказал Шимасу и тому, кто присутствовал из мудрецов: "О мудрец, знаток духовных вопросов, если даже Аллах открыл мне из знания лишь нечто малое, то я все же понял, какова была твоя цель, когда ты принял от меня ответы, данные мною на то, о чем ты спросил, – все равно, был ли я в них прав, отвечая, или ошибся, – и может быть, ты прочил их ошибки. Я хочу спросить тебя о вещи, для которой слабо мое суждение и узки мои способности, и для описания ее бессилен мой язык. Я хочу, чтобы ты разъяснил мне это и не было

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

бы ничего в нем смутно для подобного мне в будущем, как было оно смутно для меня в прошлом. Ибо Аллах, так же как он создал жизнь в воде и силу в пище и исцеление больного в лечении врача, создал исцеление невежды в знании знающего. Прислушайся же к моим словам".

"О, сияющий разумом, знаток праведных вопросов, о ты, чье достоинство засвидетельствовали все мудрецы. Так как ты разъяснил вещи и разобрал их и прекрасно попадал в цель, отвечая на то, о чем я тебя спросил, – сказал Шимас, – я знаю, что ты спрашиваешь меня о чемнибудь, а сам в толковании этого придерживаешься более правильного мнения и более верных слов, ибо Аллах даровал тебе знание, какого не даровал никому из людей. Расскажи же мне, о чем ты хочешь спросить".

И мальчик сказал: "Расскажи мне о творце (да возвысится его могущество!). Из каких вещей сотворил он все сущее, когда прежде не было ничего. Не видно в сем мире вещи, которая не была бы сотворена из другой вещи. Создатель (да будет он благословен и возвеличен!) может творить вещи из ничего, но так судила воля его, при совершенном его могуществе и величии, чтобы не создавал он вещи иначе как из другой вещи".

И сказал везирь Шимас: "Что касается выделяющих предметы из глины и других ремесленников, то они не могут создать вещь иначе как из другой вещи, ибо они уже сотворены. Что же до творца, который создал мир с таким удивительным искусством, то если ты хочешь узнать, может ли он (да будет благословен и возвеличен!) создать вещи из ничего, продли размышление о разнообразных тварях, – ты увидишь знамения и указа пия, говорящие о совершенстве его могущества и о том, что он может творить вещи из ничего. Больше того, – он создал их из чистого небытия, ибо элементы, которые составляют материю вещей, были чистым небытием. Я разъяснял тебе это, чтобы не был ты в сомнении, и пояснил тебе это знамение ночи и дня. Они следуют друг за другом, и когда уходит день и приходит ночь, день скрывается от нас, и мы не знаем, где его место, а когда уходит ночь с ее мраком и ужасом, приходит день, и мы не знаем, где место ночи. Когда же засияет над нами солнце, мы не знаем, где таится его свет, а когда оно зайдет, мы не знаем, где место его заката. Подобного этому в деяниях творца (да возвеличится его имя и да возвысится его могущество!) много, и смущается от этого разум проникательных среди сотворенных".

И мальчик сказал: "О мудрец, ты позволил мне узнать о могуществе Аллаха нечто такое, чего нельзя отрицать, но расскажи мне, как создает он своих тварей". – "Твари, – ответил Шимас, – сотворены словом Аллаха, которое существовало до века, и им сотворил он все вещи". – "Аллах (да возвеличится его имя и да возвысится его могущество!), – спросил мальчик, – захотел создать твари прежде их существования?"

"По воле своей, – ответил Шимас, – он создал их своим словом. И если бы не было у него речи и наияснейшего слова, твари не существовали бы..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот четырнадцатая ночь

Когда же настала девятьсот четырнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что мальчик задал Шимасу предшествующие вопросы, и он ответил на них и потом сказал: "О сынок, ни один человек не скажет тебе другого, чем то, что я тебе сказал, иначе как переставив слова, дошедшие до нас в божественных законах, с их мест и отклонив истины от их смысла. Так будет, если ты скажешь, что слову присуща сила (прибегаю к Аллаху от такого верования). Напротив, наши слова об Аллахе (да будет он возвеличен и прославлен!), что он создал твари своим словом, имеют тот смысл, что он (велик он!) один в своей сущности и свойствах, и не означают они, что слово Аллаха имеет власть. Нет, власть – это свойство Аллаха, так же как слово и другие свойства, присущие совершенству, – свойства Аллаха (да возвеличится его сан и да будет прославлена его власть!), и нельзя описать его без его слова, и нельзя описать его слова без него. Аллах (да возвысится хвала ему!) сотворил своим словом всех своих тварей, и без слова своего не сотворил он ничего. Он сотворил все вещи словом своим истинным, и в истине мы сотворены".

"Я понял относительно творца и величия его слова то, что ты сказал, и принял это, – отвечал мальчик, – но я услышал, как ты говорил, что Аллах сотворил все сущее своим словом истинным, а истинное противно ложному. Откуда же появилось ложное и как возможно его появление наряду с истинным, так что его даже смешивают с истинным, и твари не могут отличить его и нуждаются в разделении того и другого? Возлюбил ли творец (велик он и славен!) это ложное, или оно ему ненавистно? Если ты скажешь, что он возлюбил истинное и в истине сотворил своих тварей и ложное ему ненавистно, то откуда же вошло то, что ненавистно творцу, к тому, что ему любезно, то есть к истине?" – "Аллах, – ответил Шимас, – сотворил человека в истине, и не нуждался человек в раскаянии, пока не вошло ложное к истине, в которой человек сотворен, вследствие власти, которую вложил Аллах в человека, то есть его воли и склонности, именуемой стяжательством. И когда вошло ложное к истине таким образом, оно смешалось с истиной, вследствие воли человека и присущей ему власти и стяжательства, которое являясь частью человека, зависящей от воли, при слабости естества человека. И создал Аллах для него раскаяние, чтобы отвратить им от человека ложное и укрепить его в истине, и сотворил для него наказание, если он будет продолжать придерживаться ложного".

"Расскажи мне, – сказал мальчик, – какова причина появления наряду с истинным ложного и того, что их даже смешивают, и почему подлежит человек наказанию так, что он нуждается в раскаянии?" И Шимас ответил: "Аллах, когда сотворил человека в истине, сделал его любящим истину, и не было для него ни наказания, ни раскаяния. И продолжалось это так, пока не вложил Аллах в человека душу, которая есть одно из совершенств человеческой природы, несмотря на то, что сотворена она склонной к страстям. И возникло из этого появление ложного и смешение его с истиной, в которой сотворен человек, и создан он любящим истину. И когда дошел человек до этого предела, он совратился с пути истины послушанием, а кто совратился с пути истины, впадает в ложное". – "Значит, к истине вошло ложное только из-за послушания и неповиновения?" – спросил мальчик. И Шимас сказал: "Это так, ибо Аллах любит человека, и от избытка своей любви к нему создал он человека в нем нуждающимся, а это и есть самая истина. Но иногда человек слабеет, по причине склонности души к страстям, и склоняется к неповиновению, тогда переходит он к ложному из-за послушания своего господа, которое он совершил, и заслуживает наказания, а удаляя от себя ложное раскаяние и возвращаясь к любви, к истине, он заслуживает награды".

"Расскажи мне, – сказал мальчик, – в чем начало послушания. Ведь все люди возводят себя к потомкам сыновей Адама, а Аллах создал Адама в истине. Как же навлек он на себя послушание и зачем сочеталось послушание его с раскаянием, после того как была вложена в него душа, чтобы оказалась исходом его дел награда или наказание? Мы видим, что некоторые люди постоянно пребывают в неповиновении, склоняясь к тому, чего не любит Аллах, и расходясь с тем, чего требует основа их создания, то есть с любовью к истине, и достойны гнева своего господа. И видим мы, что другие постоянно хотят угодить своему творцу и повиноваться ему и достойны его милосердия и награды. Какова же причина несходства, возникающего между ними?"

И Шимас сказал: "Впервые низошло это послушание па тварей из-за Иблиса, которого Аллах (да возвеличится его имя!) создал самым благородным среди ангелов, людей и джиннов. И был Иблис создан в любви и не знал ничего иного, и когда стал он поэтому бесподобен, обуяла его гордыня, тщеславие и высокомерие, и превознесся он над верой и повиновением власти своего творца, и сделал его тогда Аллах ниже всякой твари, и отлучил его от любви, и создал прибежище его душе в послушании. И узнал Иблис, что Аллах (да возвеличится его имя!) не любит послушания, и увидал Адама и наполняющую его любовь и истину и повиновение творцу своему, и его обуяла зависть, и стал он учинять хитрости, чтобы отвратить Адама от истины и сделать его сообщником в ложном, и заслужил Адам наказание из-за склонности своей к послушанию, которое украсил ему его враг, и подчинения своим страстям, из-за которого нарушил он заповедь своего творца вследствие появления ложного. И когда узнал творец (да возвысится хвала ему и да святятся имена его!) слабость человека и быстроту склонности его к врагу и пренебрежение его к истине, создал для него творец, по милосердию своему, раскаяние, чтобы поднялся он благодаря ему из трясины склонности к послушанию и, надев оружие раскаяния, покорил бы им своего врага Иблиса и его воинство и вернулся бы к истине, в которой он сотворен. И увидел Иблис, что Аллах (да возвысится хвала ему и да святятся имена его!) назначил ему срок определенный, и поспешил он на войну с человеком и учинил с ним разные хитрости, чтобы вывести его из благоволения Аллаха и сделать своим сообщником в гневе Аллаха, которого заслужил он и его воинство. И Аллах (да возвысится хвала ему!) создал в человеке возможность раскаяния и повелел ему придерживаться истины и постоянно пребывать в ней, запретив ему послушание и неповиновение, и внушил он ему, что есть у него на земле враг, с ним воюющий, который не отступает от него ни ночью, ни днем, и поэтому заслуживает

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

человек награды, если придерживается истины, в любви к которой сотворено его естество, или наказания, если берет над ним верх его душа и склоняет его к страстям..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятнадцатая ночь

Когда же настала девятьсот пятнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда мальчик задал Шимасу предшествующие вопросы и Шимас ответил ему на них, он сказал: "Расскажи мне, благодаря какой силе могут твари не повиноваться своему творцу, когда пребывает он в крайнем величии, как ты сказал, и не покоряет его ничто, и ничто не выходит из его воли. Разве не думаешь ты, что он властен отвратить своих тварей от такого послушания и сделать их навсегда приверженными любви?" "Аллах великий (да возвысится имя его!) справедлив, правосуден и кроток с теми, кто любит его, – ответил Шимас, – и он сделал ясным для них путь блага и даровал им способность и власть делать то, что они хотят, из благого, и если поступают они несогласно с этим, приходят они к гибели и послушанию". – "Если творец сам даровал им эту возможность и они властны делать то, что хотят, то почему не застал Аллах между ними и тем, чего хотят они из ложного, чтобы вновь вернуть их к истине?" – спросил мальчик.

И Шимас ответил: "Происходит это из-за великого его милосердия и дивной его мудрости, ибо как был он прежде гневен на Иблиса и не умилился над ним, так был он прежде милосерден к Адаму из-за его раскаяния и простил его после гнева на него". – "Это есть подлинная истина, – сказал мальчик, – ибо Аллах воздаст каждому по делам его, и нет творца, кроме Аллаха, который властен во всякой вещи".

"Сотворил ли Аллах то, что он любит, и то, что он не любит, или сотворил он лишь то, что любит, и ничего другого?" – спросил он потом. И Шимас сказал: "Он сотворил все вещи, но угодно ему лишь то, что он любит".

"Что это за два разряда вещей: одни из них угодны Аллаху, и обладающий ими заслуживает награды, а другие гневят Аллаха, и нисходит на совершающих их наказание?" – спросил мальчик. И Шимас сказал: "Разъясни мне вопрос об этих двух вещах и сделай так, чтобы я его понял, – тогда я буду говорить тебе". – "Это добро и зло, – ответил мальчик, – вложенные в тело и в душу". – "О разумный, – молвил Шимас, – я думаю, ты знаешь, что добро и зло возникают из дел, которые совершают тело и душа. И добро названо добром, так как в нем благословение Аллаха, а зло названо злом, так как в нем гнев Аллаха. Тебе надлежит знать Аллаха и ублажать его, совершая добро, так как он приказал нам это и запретил нам совершать зло".

И мальчик сказал: "Я думаю, что эти две вещи – то есть добро и зло совершают пять чувств, известных в человеке, то есть: место вкуса, из которого исходит слово, и слух, и зрение, и обоняние, и осязание. Я хотел бы, чтобы ты осведомил меня, сотворены ли все эти пять чувств для добра или для зла". – "Пойми, о человек, – сказал Шимас, – изъяснение того, о чем ты спросил, ибо это есть ясное доказательство; вложи его в твой разум и напои им твое сердце. Дело в том, что истинный (да будет он благословен и возвеличен!) создал человека в истине и вложил в него любовь к нему, и не создал он ни одной твари иначе как вышним могуществом, проявляющимся в каждом событии. И нельзя ему приписать (да будет он благословен и возвеличен!) ничего, кроме суда по справедливости и правосудия и благодеяния. Он сотворил человека, чтобы человек его любил, и вложил в него душу, сотворенную со склонностью к страстям, и дал человеку волю, и сделал эти пять чувств причиной блаженства или адского огня". "А как это?" – спросил мальчик. И Шимас сказал: "Он сотворил язык для речи, руки для работы, ноги, чтобы ходить, зрение, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать. Он даровал каждому из этих чувств способность и возбудил их к работе и движению, и всякому из них он приказал, чтобы делало оно только угодное Аллаху. И от речи угодна ему правда и воздержание от того, что ей противоположно, и есть от лжи. А от зрения угодно ему обращение взора к тому, что любит Аллах, и воздержание от противоположного, то есть от обращения взора к тому, чего Аллах не любит, как, например, взгляд на страсти. От слуха же ему угодно, чтобы прислушивался он только к истине, заключающейся, например, в проповеди или в том, что в книгах Аллаха, и воздерживался от противоположного, то есть не слушал бы того, что вызывает гнев Аллаха. От рук ему угодно, чтобы они не удерживали того, чем наделил их Аллах, но расходовали это так, как угодно Аллаху, и воздерживались от противоположного, то есть не были бы скупыми и не расходовали бы то, чем наделил их Аллах, на греховное. А от ног ему угодно, чтобы был их бег для их блага, как, например, в стремлении к учению, и чтобы воздерживались они от противоположного, то есть не ходили бы не по пути Аллаха. Что касается остальных страстей, которые проявляет человек, то они исходят из тела по велению духа. И затем скажу, что страсть, исходящая из тела, бывает двоякой: это страсть к размножению и страсть чрева. И в страсти к размножению угодно Аллаху, чтобы была она не иначе как дозволенной, и гневается он, если бывает она запретной. Что же касается страсти чрева, то это – еда и питье, и угодно Аллаху, чтобы пользовался всякий лишь тем, что Аллах ему дозволил, мало это будет или много, и восхвалял бы Аллаха и благодарил бы его. И гневит Аллаха, если человек берет не принадлежащее ему по праву. И все, что есть иного из установлении об этом, – ложно. Ты знаешь, что Аллах сотворил все вещи, и угодно ему лишь благое: он повелел каждому члену из членов тела делать то, что он на него возложил, ибо он – знающий, мудрый".

"Расскажи мне, – сказал мальчик, – знал ли заранее Аллах (да возвысится его могущество!), что Адам найдет средство поесть с дерева, от которого удерживал его Аллах, и случится с ним то, что случилось, и поэтому выйдет он из повиновения к послушанию?" – "Да, о мудрец, – ответил Шимас, – Аллах великий знал это заранее, прежде чем создал он Адама. Изъяснение и доказательство этого в том, что он раньше предостерегал его от вкушения и осведомлял его, что когда он вкусит от этого дерева, он будет послушником, и было это от справедливости и правосудия Аллаха, чтобы не было у Адама довода, которым бы он защищался от своего господина. И когда ввергся Адам в пропасть и в оплошность и увеличилась над ним хула и осуждение, продлилось это в его потомстве, после него. И Аллах великий послал пророков и посланников и дал им книги, и они научили нас законам, и изъяснили нам, какие заключаются в них назидания и установления, и изложили их нам подробно, и осветили нам путь, ведущий к благу, и изъяснили, что следует нам делать и от чего следует воздержаться. Нам дана во власть воля, и тот, кто поступает согласно этим правилам, достигнет цели и получит награду, а кто преступил эти правила и поступал не по заповедям, уклонился от цели и потерпел убыток и в той и в другой обители таков путь добра и зла. Ты знаешь, что Аллах властен во всех вещах, и он создал в нас страсти по своему желанию и воле и приказал нам проявлять их только путем дозволенным, чтобы были они для нас благом, а когда проявляем мы их путем запретным, они оказываются для нас злом. И то, что получаем мы хорошего, – от Аллаха великого, а то, что постигает нас из дурного, – от самих нас, людей сотворенных, – не от творца, и возвысился над этим Аллах возвышением великим..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.